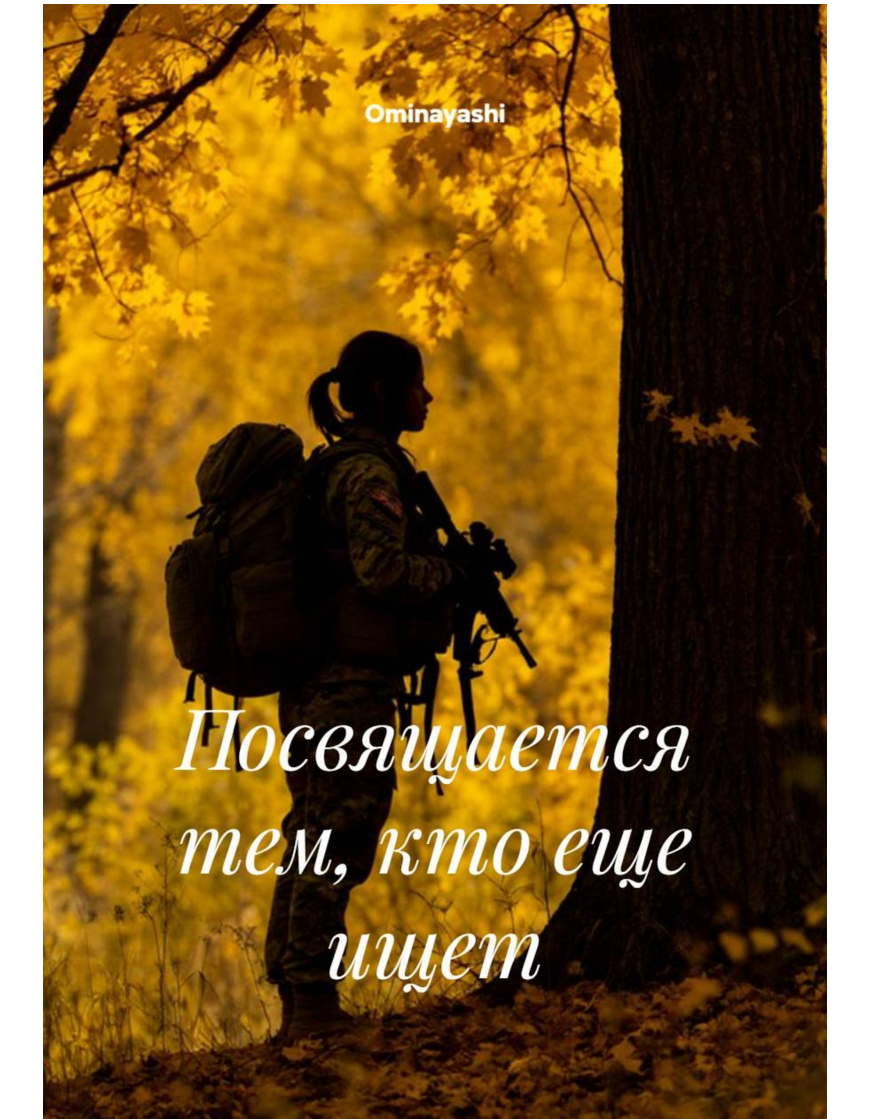

Ominayashi

*Посвящается
тем, кто еще
ищет*

Ominayashi Ominayashi

Посвящается тем, кто еще ищет

<https://litres.ru/74660423>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Посвящается тем, кто ещё ищет» — постапокалиптическая история, которая начинается не взрывом, а шёпотом: мир кончился семь лет назад, и теперь время измеряется сезонами дождей и пыли. Салли выживает в одиночестве в уцелевшем лесу бывшей Аризоны — с луком, капканами и молчанием, выученным как родной язык. А по разрушенному шоссе, неспешно и со скоростью тридцать миль в час, движется «Берта» — ржавый фургон, в котором шестеро: Джей, суровая Рут, механик Марло, весёлые двойняшки и девочка Ки, рисующая то, чего ещё нет. Они ищут город по имени Онли — место, где, по словам умирающего незнакомца, ещё есть стены, вода и люди. Их пути пересекаются на опушке Саллиного леса: сначала — три стрелы и натянутая тетива, потом — осторожный договор, тёплая каша на камне и общая дорога на север. История о том, как люди после конца мира учатся заново доверять, делиться едой и называть одиночество — не домом, а побегом.

Ominayashi

Посвящается тем, кто еще ищет

Посвящается всем, кто ещё ищет

Глава 1. Пепел на ветру

Мир кончился не взрывом, а шёпотом.

Это Салли знала точно, потому что была одной из тех немногих, кто слышал именно шёпот — не грохот, не рёв сирен, не предсмертный крик бетона и стали, — а тихий, почти ласковый шёпот ветра, который нёс в себе странную, металлическую горечь, как будто земля выдохнула последний раз и решила больше не дышать.

Это было семь лет назад.

Или восемь. Салли перестала считать дни, когда поняла, что счёт не имеет значения. Время после Катастрофы измерялось не годами и не месяцами, а сезонами дождей и сезонами пыли, — а они, эти сезоны, переплетались и путались, как волосы спящего человека, и порой невозможно было понять, где кончается один и начинается другой.

Сейчас был сезон пыли.

Салли сидела на корточках у ручья — одного из тех жалких, тоненьких, полупрозрачных ручейков, которые ещё

пробивались сквозь иссушённую землю бывшей Аризоны, — и смотрела, как вода несёт в себе мелкие частицы красной глины, похожие на растворённую кровь. Ручей был узкий, как ладонь, и мелкий, как обманка, но он был. Он жил. И это значило, что где-то наверху, в горах, ещё есть снег, или подземные источники ещё не отравлены, или просто земля отказывается умирать до конца, вопреки всему, что на неё обрушили.

Вокруг ручья рос лес.

Нет, это слово — «лес» — слишком щедрое для того, что Салли видела перед собой. Скорее это было ощущение леса, намёк на лес, воспоминание леса о самом себе. Деревья стояли редко, искривлённые, с корой, покрытой странным белым налётом, — то ли лишайником, то ли чем-то, чему ещё не придумали названия, — и их ветви были похожи на руки людей, которые тянутся к чему-то, чего больше нет. Земля между деревьями была покрыта сухой, хрустящей под ногами травой, и мхом — неожиданно ярко-зелёным, почти неоновым, словно природа решила компенсировать общую бледность мира этой одной, неуместной, дерзкой зеленью.

Салли любила этот мох. Она никому бы в этом не призналась, потому что признаться некому было, но она любила его с такой силой, с какой любят только то, что может исчезнуть в любой момент. Мох рос на камнях, на упавших стволах, на костях — да, на костях, — и превращал мёртвое в живое с той спокойной, безразличной силой, с какой только природа

и умеет это делать.

Салли была худой, загорелой до цвета старой кожи, с короткими — стриженными ножом — волосами цвета пыли и глазами, которые когда-то были серыми, а теперь стали себребристыми, как ручейная вода, как налёт на коре, как небо в те редкие дни, когда облака наконец пропускали сквозь себя что-то, похожее на свет. Ей было двадцать шесть, или двадцать семь, или тридцать — кто знает, — и она была одна.

Одиночество — штука, к которой невозможно привыкнуть, но которую можно облечь в форму, как воду — в форму кувшина. Салли облекла своё одиночество в форму рутины: утром она проверяла капканы, днём — собирала коренья и ягоды (те немногие, что ещё росли и не были ядовиты), вечером — разводила огонь в яме, выложенной камнями, и грела руки, и смотрела на звёзды, которые после Катастрофы стали ярче, ближе, наглее, словно небо опустилось на полметра, чтобы лучше рассмотреть, что осталось от людей.

Она не знала, что где-то к юго-востоку от её леса, в трёх днях пути по разрушенному шоссе, которое когда-то было Interstate 17, полуразбитый фургон с покрашенным белой краской лобовым стеклом — для защиты от солнца, не для маскировки, маскировка от солнца не спасает — катился по земле со скоростью тридцать миль в час, и в этом фургоне сидел человек по имени Джей.

Глава 2. Фургон и те, кто в нём

Фургон назывался «Берта».

Нет, его никто официально так не называл. Просто однажды Марло — механик, проводник, штурман и по совместительству единственный человек в группе, который умел отличить карбюратор от генератора, — посмотрел на радиаторную решётку, погнутую и перевязанную проволокой, и сказал: «Похоже на Берту. У моей тёти была такая же морда». С тех пор фургон стал Беротй, и ничего с этим нельзя было поделать.

Берта была грузовым «Фордом» выпуска — ну, выпуска того года, который никто уже не помнил, потому что календари сгорели вместе с цивилизацией. Кузов был обшит листами жести, прикрученными к раме болтами, которые Марло менял каждые две недели, потому что дороги после Катастрофы были не дороги, а подозрение на дороги — намёки, тени, воспоминания. Трясло так, что зубы стучали, а мысли — путались.

В кузове, на матрасах, набитых сухой травой (не той дерзко-зелёной, а обычной, желтоватой, безопасной), сидели и лежали шестеро:

Джей — за рулём, потому что всегда за рулём, потому что если не он, то кто. Тридцать два года, широкие плечи, узкие запястья, короткая стрижка, шрам на левой скуле — от осколка стекла, не от когтей и не от пули, хотя и то, и другое бывало. Глаза карие, тёмные, внимательные, с тем выражением, которое бывает у людей, привыкших смотреть вперёд,

но не привыкших ждать, что впереди будет хорошо. Джей был лидером не потому, что хотел им быть, а потому что все остальные хотели, чтобы он им был, а Джей был человеком, который не умеет отказывать, когда от него что-то действительно нужно.

Марло — рядом с Джейм, на пассажирском сиденье, с картой на коленях. Карта была бумажная, потёртая на сгибах, залитая кофе — да, кофе ещё был, если знать, где искать, — и Марло знал, где искать. Марло был маленький, жилистый, темнокожий, с тихим голосом и ловкими руками, которые могли починить всё, что угодно, кроме, кажется, собственной тоски, которая сидела в нём, как вбитый гвоздь, и которую он носил с таким достоинством, что никто не решался спросить, откуда она.

Рут — в кузове, спиной к борту, с винтовкой на коленях. Рут было пятьдесят три, или она так говорила, и она была единственной, кто помнил, каким был мир до. Она помнила супермаркеты, и горячую воду, и запах свежего хлеба, и звук телевизора в соседней квартире, и все эти воспоминания носила в себе, как носят тяжёлый чемодан, — не потому что нужен, а потому что выбросить жалко. Рут была худая, жилистая, с длинными седыми косами, которые она заплетала каждое утро с точностью и аккуратностью, достойными лучшего применения.

Двойняшки Том и Тил — шестнадцать лет, или около того, рыжие, веснушчатые, неразлучные. Том был на две ми-

нуты старше и считал это своим главным достижением. Тил был на два сантиметра выше и считал это своим. Они были полезны, потому что могли забраться куда угодно, пролезть в любую щель, найти то, что пропустили взрослые, и потому что смеялись — легко, громко, не к месту, — а смех в этом мире был валютой более редкой, чем чистая вода.

И Ки — молчаливая, маленькая, с глазами цвета мокрого асфальта, которая сидела в углу кузова и рисовала углём на обрезках картона. Ки рисовала всё: деревья, облака, лица, тени, — и её рисунки были лучше, чем им следовало быть, потому что в мире, где не осталось ничего красивого, рисовать красиво — это либо акт веры, либо акт неповиновения, и Ки, кажется, не знала разницы.

Семь человек, если считать Берту, а Берту следовало считать, потому что без Берты все семеро были просто пешеходами в мире, который не предназначен для пешеходов.

Они ехали на север — по разбитому шоссе, мимо остовов машин, ржавых, как старые раны, мимо заправочных станций с сорванными крышами, мимо городов, которые стали призраками — не потому что в них не было людей (люди были, в некоторых), а потому что в них не было жизни, а без жизни город — это просто набор стен, и стены не делают город, так же как кости не делают человека.

Они искали еду, воду, людей. В таком порядке. Хотя, если подумать, вода была на первом месте, потом — люди, потом — еда. Хотя нет. Людей — на первое. Потому что без людей

вода — это просто вода, а еда — просто еда. А с людьми — это жизнь. Джей думал именно так, и Джей был за рулём, и поэтому так оно и было.

— Карта кончается, — сказал Марло, не отрывая глаз от бумаги.

— Это значит, что мы приехали? — спросил Том из кузова.

— Это значит, что дальше — неизвестность, — ответил Марло.

— Неизвестность — это просто то, что мы ещё не видели, — сказала Рут.

Джей ничего не сказал. Он вглядывался в дорогу — в то, что от неё осталось, — и думал о лесе, который видел вчера, далеко, на горизонте: тёмное пятно зелени, невозможное, дерзкое, как мох на костях.

Лес означал воду.

Лес означал жизнь.

— Едем к лесу, — сказал Джей.

И Берта послушно свернула с шоссе на разбитую грунтовую дорогу, которая вела туда, где деревья ещё помнили, как быть деревьями.

Глава 3. Зелёное предательство

Лес начался внезапно, как начинается всё важное.

Одна минута — пустыня, красная земля, растрескавшаяся, как старое лицо, пыль, колючки, остовы машин, — и сле-

дующая: тень, прохлада, запах мокрой земли, запах жизни, запах, от которого хочется плакать, если ты не разучился, и даже если разучился — хочется всё равно.

Джей остановил БERTY на опушке, заглушил двигатель (тот ответил предсмертным кашлем и тишиной), и вышел.

Лес стоял перед ним — густой, для этих мест, — сосны перемешку с чем-то, чему Джей не знал названия, низкие кусты с мелкими жёсткими листьями, мох — тот самый, неоновый, невозможный, — и папоротники, огромные, раскрывающиеся, как ладони, зелёные, как изумруды, как надежда, как обман.

— Здесь кто-то есть, — сказала Рут.

Джей повернулся. Рут стояла у фургона, приклад винтовки — на плече, глаза — в лес, ноздри — раздуты, как у зверя.

— Откуда ты знаешь?

— Запах дыма. Вчера не было. Или позавчера. Но — свежий.

Джей понюхал воздух. Пахло хвоей, землёй, мхом, и — да, едва уловимо — дымом. Не костра-на-дровах дыма, а дымом-на-кухне, дымом-для-готовки, дымом живого человека.

— Ладно, — сказал Джей. — Ставим лагерь здесь. На опушке. Не входим в лес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.